

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. ЗАЛИЗНЯК

ФУНКЦИИ ФЛЕКСИИ ИМЕНТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА -А В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Флексия *-а* в русском языке — это, разумеется, прежде всего просто словоизменительный показатель ряда грамматических форм¹: И.ед., И.мн., Р.ед. у существительных, И.ед. жен. у кратких прилагательных, ед. жен. в прошедшем времени глагола и др.

Но эта флексия имеет и другие функции, менее очевидные и менее изученные. Они связаны уже со словообразованием. Именно им посвящена основная часть последующего разбора.

Рассматриваются данные как современного этапа, так и истории.

Формальный вопрос о том, сколько разных омонимичных флексий *-а* необходимо признать стоящими за обобщающим обозначением «флексия *-а*» для современного русского языка или для его предшествующих состояний, в настоящей работе не рассматривается. Для изложения результатов нашего разбора в этом особой необходимости нет.

Основные функции флексии *-а* за рамками чистого словоизменения таковы:

1. Словообразовательный показатель женского пола.
2. Показатель принадлежности к категории неисчисляемых.
3. Словообразовательный показатель комплекса значений, объединяемых общим признаком усиления: собирательной множественности, интенсивности и экспрессивности.

Показатель женского пола

В функции показателя женского пола (у существительных) флексия *-а* выступает в чистом виде, т. е. не после суффикса, крайне редко: *супруга*,

¹ В названиях грамматических форм падежи и числа обозначаем по модели И.ед., Р.мн. и т. п. Чтобы не утяжелять запись, винительный падеж упоминается только при особой необходимости, обычно же вместо И.В.мн., И.В.дв. пишем просто И.мн., И.дв. Отметим еще: а.п. = акцентная парадигма.

маркі́за, лиса́; в говорах есть пара *кур* — *ку́ра*; в древнерусском была пара *павъ* — *пава*.

В основном эта функция флексии *-а* реализуется в сочетании с суффиксами: *-к-а*, *-иц-а* (*-ниц-а*, *-чиц-а*), *-ш-а*, *-ј-а* и др.

В данной функции выступает, за единичными исключениями, безударное *-а*.

Показатель принадлежности к категории неисчисляемых

В данной функции выступает, за единичными исключениями, ударное *-а́*.

Следует учитывать, что, помимо собственно неисчисляемых, имеются также группы слов, которые могут употребляться как в исчисляемом, так и в неисчисляемом значении, например, *сосна́* — одно дерево и сосновая древесина (или сосновый лес). Ниже мы объединяем под обозначением «неисчисляемые» как собственно неисчисляемые, так и подобные потенциально неисчисляемые.

И.ед. на -а́, унаследованный из древности

Непроизводные

Древнерусские слова с И.ед. на *-а́*, сохраняющие такое ударение и ныне (приводим наиболее ясные примеры из числа исконных слов и ранних заимствований):

а) Материальные неисчисляемые (массы, вещества, материи, пища и др.): *вода́, руда́, зола́, смола́, крупá, мука́, икра́, лузга́, чешуя́, ропá, мочá, сыта́, уха́, колбаса́, лапша́, кутья́, сурьма́, бирюза́*.

б) Растения (в т. ч. деревья) и их плоды: *травá, лебеда́, конопля́*.

в) Действия, события, болезни: *игра́, взда́, вда́, страда́, бѣда́*.

г) Природные явления, времена года: *гроза́, заря́, росá, зима́, весна́*.

д) Явления эмоциональной, интеллектуальной и социальной сферы: *тоска́, вина́, красá, хвала́, клеветá, ѹбна́*.

е) Собирательные: *господа́, литва́, мордвá, югра́* (ср. также близкие к этой группе *толпа́, орда́*); в собирательном значении могут выступать названия рыб, например, *треска́*.

ж) Пространства, поверхности, покрытия: *странá, земля́, кора́, скорлупá, мяздра́, броня́*.

Ряд древнерусских слов этих же смысловых категорий до настоящего времени не дожил, например: *лѣка́* ‘лекарство’, *слана́* ‘иней’, *слота́* ‘мокрый снег’, *воня́* ‘запах’, *туга́* ‘печаль, горе’, *ропта́* ‘клятва’.

С другой стороны, имеется немало исконных слов тех же категорий, не отмеченных в древнерусских акцентуированных памятниках, например: *ветла́, мезга́, перга́, костра́, труха́, ботва́, белена́, сопля́, жарá, мечта́*.

Суффиксальные

Примеры древнерусских слов с исконным И.ед. на -а́, сохраняющих такое ударение и ныне:

-ба: *божба́, ворожба́, городьба́, стрѣльба́, татьба́;*

-ва, -тва: *листвá;*

-ина (в отадъективных именах качества): *новина́, длина́, косина́, ветшина́;*

-ота (в отадъективных именах качества): *нагота́, тягота́, срамота́, нѣмота́, тѣснота́, хрипота́, сипота́, лѣпота́, слѣпота́, красота́, босота́, частота́, толстота́, простота́, густота́, пустота́, глухота́, сухота́;*

-ца: *трясца́.*

Целый ряд таких слов не дожил до нашего времени, например: *стражба́, лѣча́, вериба́, цѣльба́, ротьба́, гостьба́, святѣба́; кривина́, прямина́, частина́, густина́, горчина́; мяккота́, трѣскота́, соромота́, гнусота́, жес-тота́; расписца́, прибыльца́; бродня́, блядня́, замятня́.*

С другой стороны, имеется много подобных слов, не отмеченных в древнерусских акцентуированных памятниках, например: *косьба́; дѣтва́; цѣлина́, былина́, тонина́; прямота́, блѣднота́, дурнота́, прѣснота́, духота́, смѣхота́; гнильца́, сольца́, пыльца́, лѣнца́, трусца́, рысца́, грязнотца́, хри-потца́; бѣготня́, визготня́, воркотня́, трескотня́, стукотня́, родня́.*

Смена ударения на пути

от древнерусского состояния к современному

Приводим теперь (по тем же группам) современные слова, сменившие, полностью или факультативно, прежнее наосновное ударение на флексионное. Наряду с исконными словами учитываются также заимствования, имеющие ныне конечное ударение вместо отмеченного прежде наосновного или просто не совпадающее с ударением в языке-источнике.

Непроизводные

а) *волна́* ‘шерсть’, *слюда́, слюна́* (др.-р. *во́лна, слю́да, слѣна*); *насти́ла* (из итальянского, т. е. первично ударение на -ти-), *марсала́* (сицилийское вино из Marsála); *камфарá* (наряду с *ка́мфора*; из итал. *caṁfora*), *берестá* (постепенно побеждающее исконное *берѣста*), *фольга́* (уже почти вытеснившее прежнее *фо́льга*), *кирза́* (наряду с более ранним *ки́рза*), *ко́пра* и *копрá* (из португальского, т. е. первично ударение на ко-), *ма́кса* и *максá* ‘печень трески’ (из финского, т. е. первично ударение на ма-).

б) *сосна́, ольха́* (др.-р. *со́сна, о́льха*); *кинза́* (вытесняющее более раннее *ки́нза*; из грузинского), *люфа́* (вытесняющее более раннее *лю́фа*; из арабского); показательна помета в [Еськова 2014] s. v.: *пи́хта*, неправ(ильно) *пихта́*.

в) опростившееся *воина́* (др.-р. *во́ина*), *цинга́* (в XVII в. *ци́нга*), *ки́ла* ‘грыжа, опухоль’ (др.-р. *кы́ла*).

г) профессиональное *искра́*; *пурга́* (из угро-финских), *бо́ра* и *бора́* (из итал. *bóra*).

д) *молва́*, *хула́*, *нужда́*, *лихва́*, *лафа́* (др.-р. *мо́лва́*, *ху́ла*, *ну́жда*, *ли́хва*, *ала́фа*); *ерунда́* (из лат. *gerundium*).

е) *мещера́* (наряду с *мещёра*; др.-р. *мещёра*); *деньга́* (ср. др.-р. *дэньга*), *мошка́* (ср. *мо́шка*).

В говорах встречаются также акцентные варианты *сѣра́*, *свекла́*, *клюква́*, *верба́*, *мянда́*, *нёгла́*, *празга́* и др. (при более обычных вариантах с наосновным ударением).

Чтобы полнее продемонстрировать обилие слов на -а́ с подобным значением в современном русском языке, приводим также (по тем же группам) характерные примеры других заимствований (безотносительно к ударению в языке-источнике) и слов с неясной этимологией:

а) *шуга́* 'плывущий лёд', *барда́*, *бурда́*, *буза́* (напиток), *абакá*, *пенька́*, *сулемá*, *бахромá*, *бура́*, *махра́* 'махорка', *тырса́* 'смесь песка и опилок', *треста́*, *каракульча́*, *анаиша́*; *абá*, *даба́*, *канва́*, *камка́*, *тафта́*, *тесма́*, *парча́*, *чесучá*, *кисея́*; *пахлава́*, *халва́*, *курага́*, *нугá*, *ханжа́* 'хлебная водка', *шептала́*, *бастурма́*, *шурпа́*, *маца́*;

б) *айва́*, *ирга́*, *куга́*, *сабза́*, *шасла́*, *хурма́*, *мушмула́*, *резеда́*;

в) *булга́*, *буза́* 'скандал', *барантá* 'захват скота набегом', *меледа́* (игра), *кутерьма́*, *чехарда́*, *томоша́* 'суета, возня'; *чума́*;

д) *белиберда́*, *хурда́-мурда́*, *кабала́*, *каббала́*, *хандра́*, *муштра́*, *мура́*, *туфта́*, *хабарá* 'взятка', 'барыш', *галиматья́*;

е) *шпанá*, *шантрапа́*, *саранча́*, *хохлома́*;

ж) *тайга́*.

Суффиксальные

Возраст приводимых ниже слов может быть различным; точно его определить не представляется возможным.

-ба: *алчба́*, *волиба́* (др.-р. *алчба*, *волиба*); для слов *судьба́*, *рѣзба́*, *мольба́*, *борьба́*, *похвальба́*, *колотьба́*, *молотьба́*, *гульба́*, которые уже в древнерусском отмечены с конечным ударением, следует предполагать ранний переход из **судьба*, **рѣзба*, **мольба* и т. д.; *ходьба́* — из **хóдьба*;

-ва: *синевá*, *черневá*, *муравá* происходят из **синева*, **черне́ва*, **мура́ва*; в просторечных *братва́*, *татарва́* конечное ударение не соответствует древним акцентным правилам, т. е. либо оно сдвинуто, либо эти слова получили ударение позднего типа уже в момент своего появления в языке;

-ина: *тишина́*, *величина́*, *быстрина́*, *пестрина́* (др.-р. *ти́шина*, *вели́чина*, *бы́стрина*, *пестри́на*); для *старина́*, *слабина́*, *рыжина́* реконструируется прежнее ударение **ста́рина*, **сла́бина*, **ры́жина*;

-изна: *кривизна́*, *новизна́* (др.-р. *кривѣзна*, *новѣзна*); ударение *-*изна* реконструируется и для прочих нынешних слов на -*изна́* (*голубизна́*, *прямизна́*, *крутизна́*, *близна́*, *желтизна́* и др.);

-ота: *правотá, чистотá, полнотá, суетá, нищетá* (др.-р. *práwota, chístota, pólnota, súeta, níščeta*), *долготá, кислотá* (из **dólgota, *kýs-lota*), *высотá* (др.-р. *výsota* и *высотá*); *теплотá, хромотá, чернотá, добротá, щедротá, мокротá, пестротá, остротá* (качество), *тицетá* (др.-р. *teplóta, xromóta, černóta, dobróta, ščedróta, mokróta, pestróta, ostróta, tšičeta*), *темнотá* (др.-р. *temnóta* и *темнотá*); в современном языке ударение *-отá* у имен качества обобщилось, охватив основы любого акцентного типа (например, *мерзлотá, рыхлотá, скукотá* и т. д.; также просторечное *сволотá*);

-ца: *сырцá, кислотцá, краснотцá, наглецá, кислецá, хитрецá*;

-ня: *мазнá, рѣзнá, вознá, стряпнá, хвастнá, брехнá, болтовнá, толкотнá, пачкотнá, трепотнá* и др.; *ребятнá, малышнá, солдатнá*;

-ра, -ура: *дѣтворá, кожурá, нѣмчурá, мошкарá*;

во всех приведенных словах на *-ца, -ня, -ра, -ура* конечное ударение не соответствует древним акцентным правилам, т. е. либо оно сдвинуто, либо эти слова получили ударение позднего типа уже в момент своего появления в языке.

Имеется также несколько подобных слов с редкими суффиксами, например *мелюзгá*; в словах *требухá, шелухá, чепухá* суффикс выступает при остаточном корне.

Из приведенного материала видно, что, во-первых, в древнерусском среди слов на *-а* с неисчисляемым значением имелось много слов с конечным ударением, во-вторых, в ходе истории значительное число слов, имевших первоначально иное ударение (наосновное), сменило ударение на конечное. Тем самым у слов на *-а* сложилась определенная корреляция между неисчисляемым значением и конечным ударением. Разумеется, она была не абсолютной, а лишь статистической. Тем не менее ее влияния достаточно для того, чтобы новые слова, входящие в язык, очень часто ей подчинялись.

Понятно, что картина была бы неполной, если не принять во внимание также и те случаи, когда указанная корреляция не соблюдается.

В древнерусском среди неисчисляемых на *-а*, разумеется, было немало слов с наосновным ударением. Например, если ограничиться односложными с основой на твердую согласную (не шипящую)², то получится примерно следующий список:

с ударением, в дальнейшем прочно сохраняющимся, — *влáга, глína, тíна, пѣна, íва, лíна, пóлба, слíва, ты́ква, рѣна, свáра, слáва, нѣга, жáжда, лáска, му́ка, сíла, дýма, вѣра*;

² Такое ограничение связано с тем, что слова *а*-склонения на мягкую или шипящую согласную (восходящую к сочетанию с **-j-*), например *купля, жи́жа, гу́ща*, в современном языке обладают повышенной акцентной устойчивостью.

с ударением, которое в ходе истории полностью или частично сменилось на конечное, — *во́лна* ‘шерсть’, *слю́да*, *сли́на*, *со́сна*, *ольха́*, *во́ина*, *цѣ́нга*, *пу́рга*, *мо́лва*, *ху́ла*, *ли́хва*, *ну́жда*, *ала́фа*, *де́ньга*; то же за рамками литературного языка — *сѣ́ра*, *ве́рба*, *клю́ква*, *све́кла*, *и́скра*.

Таким образом, в этой группе неисчисляемых на безударное *-а* тенденция к сдвигу ударения так или иначе проявилась почти в половине слов.

Что касается суффиксальных, то для ряда суффиксов, в частности *-ин-а* (у имен качества), *-от-а* (у имен качества), экспансия конечного ударения была столь мощной, что такое ударение со временем стало единственно возможным.

А были ли в рассматриваемой группе слов противоположные сдвиги ударения? Да, были. Но их совсем немного, и почти все они объясняются прозрачными индивидуальными причинами. Слова *мѣ́та*, *мѣ́на*, *стра́жа*, *тя́жба*, *крамо́ла* (из прежних *мѣ́та*, *мѣ́на*, *стража́*, *тяжба́*, *крамо́ла*) — книжные; наосновное ударение в такой стилистической сфере вполне обычно (для слова *крамо́ла*, кроме того, играет роль неоднозначность). Слово *дру́жба* (при реконструируемом **дружба́*), по-видимому, уже в древнерусском получило наосновное ударение в силу тесной ассоциации со словом *слу́жба* (где такое ударение правильно). Слово *побѣ́да* (из *по-бѣ́да*) имеет морфологическую структуру, для которой конечное ударение уникально, нормой здесь является модель *погѣ́да*, *доса́да*, *опáла*. Остается только слово *свобѣ́да* (из *свобода́*), где неоднозначность толкает к уподоблению той же модели.

Таким образом, эти единичные случаи не меняют основной картины акцентной эволюции имен *а*-склонения, состоящей в формировании корреляции между значением неисчисляемого типа и конечным ударением в И.ед.

Показатель различных видов усиления

Флексия *-а* способна также передавать целый комплекс значений, объединяемых общим признаком усиления: собирательной множественности, интенсивности и экспрессивности. В большинстве случаев эти типы значения достаточно ясно различаются, но довольно часто они соединяются друг с другом и границы между ними становятся нечеткими.

Основным способом их выражения является ударное *-á*, но значения собирательной множественности и экспрессивности в части случаев могут выражаться также безударным *-а*.

Значение интенсивности и/или собирательной множественности

Значение интенсивности и/или собирательной множественности у флексии *-а* активно проявляется в основном за рамками литературного языка.

Исключительно ценный материал в этом отношении дает хорошо описанный говор деревни Деулино Рязанской области (см. [Деул.]; примеры передаем в нормализованной орфографии, поскольку для анализа лексики фонетические детали несущественны).

Так, интенсивная реализация природных явлений последовательно передается в этом говоре производным словом женского рода с И.ед. на *-á* (с ударением):

ветра́ ‘сильный ветер’ (*ветра́ такая́*)³;

снега́ ‘снег (об обильном, глубоком снеге)’ (*снега́ опять навали́ла, она́ раста́ет*);

дожжа́ ‘дождь (о сильных, продолжительных и частых дождях)’ (*дожжа́ была́ проливна́я; дожжа́ шла́; такую́ дожжу́*);

дыма́ экспрессивно ‘густой, обильный дым’ (*ой, какáя дыма́*);

буря́ ‘буря’ (*такáя-то буря́*);

вьюга́ и *юга́* ‘вьюга’ (*вьюга́ была́; юга́ нача́лась*);

пыля́ ‘пыль (о большом количестве пыли)’ (*какáя пыля́; в пыле́ да в сору́*);

грязя́ экспрессивно ‘грязь’ (*какáя грязя́*).

Так же выражается интенсивность действий, событий, состояний:

хода́ ‘ходьба в разных направлениях’ (*какáя хода́; иде́ть ходо́й* ‘быстро, ускоренно’);

вредá ‘вред’ (*какúю вреду́; вреди́ нет*); заметим, что слово *вредá* встречается у Аввакума [Слов. XI–XVII, 3: 104];

жара́ ‘жара’, ‘горячка, жар’ (*жару́ вра́з сни́зили*);

шума́ ‘ссора с громкой бранью’ (*шума́-то была́ несосве́тная*);

зуда́ ‘зуденье’ (*зуды́-то нету́; зудо́й*);

скука́ ‘скука’ (*скука́ какáя*).

Тот же механизм используется для экспрессивно окрашенных обозначений множества каких-то существ (обычно вредоносных):

муха́ собир. ‘мухи’ (*муха́ залети́ла; несказáнная муха́; муху́ напусти́ли*);

кома́ря собир. ‘о множестве комаров’ (*такáя кома́ря; кома́ря огребна́я, осы́пна́я*) — производное от *кома́рь* ‘комар’;

вши́а собир. ‘о большом количестве вшей’ (*вши́а огребна́я*);

клопа́ собир. ‘клопы, множество клопов’ (*клопа́ огребна́я, клопа́ нисосве́тная*);

тарака́на собир. ‘тараканы’ (*тарака́на была́ огребна́я*);

черва́ собир. ‘черви’ (наряду с *че́рва*) (*черва́-то огребна́я; черва́ на не́й была́*);

гнида́ собир. ‘гниды’ (*была́ и гнида́*);

³ Примечательно совпадение с лит. *vētra* ‘буря’, латыш. *vētra*. Но здесь всё же более вероятно параллельное словообразование, чем прямое балто-славянское наследие.

мышá ‘мышь’, также собир. (*мышá ненаказáнная*);
птицá ‘птица’, также собир. (*дíкая птицá гуртуютъ, всякая птицá, и птицý нeт*);
скотá собир. ‘скот’ (*скотý много*).
 Также для неодушевленных:
грыбá собир. ‘грибы’ (*вoн какáя грыбá-то*);
сорá ‘мусор’, ‘сорняки’ (*сорá какáя*);
деньгá ‘деньги’ (*деньгá-то какáя, такую-то деньгý*).

Примечательны преобладающие эпитеты к словам этой группы: *какáя, такáя, огребнáя, осыпнáя, несосвeтнáя, несказáнная, ненаказáнная* — все они ярко демонстрируют экспрессивный характер этих слов.

Имеются также слова на *-á* сходного значения, для которых нет коррелята в виде более простого существительного ед. числа: *томá* ‘знойная погода’, ‘утомление’, *мочá* ‘слякоть, дождливая погода’, *склизá* ‘скользкость’; *галдá* ‘шум, галденье, ругань’, *бузá* ‘скандал, шум’, *спорá* ‘успешность работы’.

Деулинский материал ценен тем, что все примеры принадлежат единой микросистеме. Но в разрозненном виде ряд подобных примеров отмечен и в других говорах. Приводим наиболее ясные примеры из СРНГ (не повторяя деулинских):

мошкá: *мошкá уда́вная* (о большом количестве мошек) Иркут.; ‘комары’ Калинин., ‘мухи’ Пск.;

тучá собир. Дон., ‘большая туча’ Свердлов.; *тучá темная* ‘очень много’ Мещов.;

морохá ‘мелкий частый дождь’ Костром. Твер. (также *моросá* ‘то же’ Костром.) — ср. *мóрох* ‘мелкий частый дождь’ Вят. Ярослав. Волог., ‘облако, туча’ Удм. АССР;

деревá ‘ветви, листва’: *не стой, верба, над водóю, не звони деревóю* Дон.;

лесá ‘густые заросли’: *у их лесá лесóй черёмухи* Свердлов. (Верхотур.);

мурá ‘мелкая трава’ Амур. Пск. — ср. *мур* ‘трава’ Арх. Брян. Волхов;

сокá ‘желудочный сок’ Пенза;

мозгá ‘мозг’ Зарайск. Амур. Новг. (*мозгá работает хорошо*);

кормá ‘корм’: *кормила... овсяною кормóю* (фолькл.) Беломор.;

следá ‘след’ Ряз. (*никакóй следý нeт*);

искрá (о ярком цвете) Арх.

Описанные выше тенденции использования флексии *-á* особенно активно реализуются в профессиональных жаргонах и в сленге, где, как и в говорах, не действуют нормативные ограничения. Вот некоторые примеры, выписанные в основном из словаря сленга [Елистратов 2007].

Собирательные: *лимитá* ‘лимитчики’, *интурá* ‘интуристы’, *патлá* ‘длинноволосые, хиппи’, *урлá* ‘хулиганы, шпана’, *кирзá* в знач. ‘военные’, *фирмá* в знач. ‘иностранцы’.

Прочие неисчисляемые: *туфта́* ‘халтура’, ‘чушь’, *байда́* ‘ерунда, чушь’, *без булды́* ‘правда?, не врешь?’, *кикса́* ‘фальшь, халтура’, ‘нечто плохое’, *лабудá* ‘чепуха’, ‘нечто плохое’, *попса́* ‘популярная музыка’, *кайфа́* (то же, что *кайф*), *шиза́* в знач. ‘сумасшествие’, ‘одурение’, ‘нечто дикое’, *креза́* ‘идея фикс, безумие’, ‘абсурд’, *хана́* (предикативно) ‘конец’, ‘пропали’, *мури́ца* ‘дурное пойло’, ‘нечто гадкое’, *махра́* ‘курево’, *джинса́* в знач. ‘джинсовая ткань’, *физра́* ‘физкультура’ (школьн.).

В этих примерах флексия -а одновременно выражает принадлежность слова к категории неисчисляемых и создает экспрессивную окраску.

В небольшой степени описанные выше явления, представленные в говорах и в жаргонах, проникли и в литературный язык.

Так, появились, например, слова *искра́* (в качестве профессионального), *деньга́* (в качестве просторечного), *мошка́* ‘тучи летающих насекомых’.

Но есть и давнее литературное слово, построенное по той же схеме, которая, однако, ввиду привычности слова здесь уже не ощущается. Это слово *жара́*, соотносящееся и по форме, и по значению со словом *жар* совершенно так же, как диалектное *снега́* (И.ед.) со *снег*, диалектное *ветра́* с *ветер* и т. п.

Таково же по структуре слово *мечта́*: оно так же соотносится с не дожившим до нашего времени словом *мечеть* (< *мьчѣть) ‘призрак, сновидение, чары’⁴.

То же верно для слова *ѣзда́*: ср. не сохранившееся древнерусское *ѣздѣ* ‘поездка’.

Сходно построено и слово *руда́* от цветогового прилагательного *рудый*.

Синтаксические особенности собирательных на -а́

Важной особенностью рассмотренных выше диалектных форм на -а́ является то, что они сосуществуют с построенными совершенно так же формами И.мн. на -а́, а иногда даже просто с ними в И. падеже совпадают.

Так, в Деулине:

от *кома́рь* возможно И.мн. *кома́ря* (*кома́ря стрéскали* ‘сожрали’) — ср. *така́я кома́ря*;

от *сор* возможно И.мн. *со́ра* (*со́ра ка́кие*) — ср. *со́ра ка́кая*;

от *пыль* возможно И.мн. *пы́ля* (*пы́ля летя́ть*; *все пы́ля притéрла*) — ср. *кака́я пы́ля*.

В таком же соотношении находятся, например:

⁴ Заметим, что почти все примеры, относимые в древнерусских словарях к слову *мечта*, в действительности принадлежат слову *мечеть*. Таково прежде всего сочетание *въ мечтѣ* ‘в воображении, в видении’. Кажется, то же верно для примера *дивима бѣахоу тыа мечты* в [СДРЯ V: 100], в котором правильнее видеть не И.мн. жен., а Т.мн. муж., ср. тѣ фанта́сіа в греческом оригинале. Но наличие сербского *машта* ‘мечта, фантазия’ говорит о праславянском возрасте слова *мечта*.

снега И.мн. (литературное) — *снега* И.ед. Деулино;
ветра И.мн. (литературное) — *ветра* И.ед. Деулино;
леса И.мн. (литературное) — *леса* И.ед. СРНГ;
корма И.мн. (литературное) — *корма* И.ед. СРНГ;
сока И.мн. Деулино (*все сока*) — *сока* И.ед. СРНГ;
хода (у повозки) И.мн. (професс.) — *хода* И.ед. СРНГ;
мозга И.мн. (у него плохо *мозга* работают) [Шахматов 1957: 331] —
мозга И.ед. СРНГ;
мореха И.мн. (*мореха* ‘облака’... *бежат*) — *мореха* И.ед. СРНГ.

Тесное единство этих двух типов форм на *-а* проявляется также в возможности смешанного согласования; ср., например, в Деулине:

это ди́кая птица́ гурту́ють;
така́я кома́ря, гудя́ть и гудя́ть;
ноне у во всех му́ха, отке́ля они взяли́сь;
у! мы́ша́ нескза́нная, забеди́ли;
ви́а была́ на ней о́гребна́я..., а потом пропа́ли.

С типологической точки зрения здесь представлена классическая синтаксическая особенность собирательных имен — способность сочетаться с предикатом и/или с определением во множественном числе. Это та же особенность, что у древнерусских собирательных, обозначающих группы людей (*дружина, господа, братья, сыновья, литва, мордва* и др.): *дружина рекоша, литва придоша* и т. п.; см., например, [Соболевский 1907/2004: 220].

Как можно видеть из примеров, грамматическое разграничение между двумя ипостасями словоформы типа *кома́ря*, предлагаемое в [Деул.], в значительной мере условно. Например, *кома́ря стрéскали* можно было бы рассматривать и как аналог для *ди́кая птица́ гурту́ють* и тогда трактовать как И.ед. Для словоформы *со́ра* оказываются возможными и *со́ра кака́я*, и *со́ра каки́е*.

То есть перед нами та же самая картина двух синтаксических ипостасей единой морфологической структуры, которая хорошо известна историкам языка в отношении слова *господá*, где с переходом от синтаксиса *моя господá* к *мои господá* (и с заменой форм косвенных падежей, например, *господбю* на *господáми*) первоначальная ипостась И.ед. с собирательным значением со временем превращается в И.мн. к слову *господи́н*. Ср. также классический пример раздвоения в современном языке древнего собирательного *братья* на *монастырская братия* и *родные братья*.

Материалы говоров показывают, что словоформы с собирательным значением типа *снега́, ветра́, леса́, кормá* могли быть представлены в живом народном языке много шире, чем их отражения в письменных памятниках. И с любой из них могла происходить такая же эволюция, как со словом *господá*. Например, у словоформы *снѣга́* наряду с синтаксисом *кака́я снѣга́* был возможен и синтаксис *каки́е снѣга́*; в творительном падеже было возможно как *снѣго́ю*, так и *снѣга́ми*. А в варианте с *каки́е снѣга́* и *снѣга́ми* словоформа *снѣга́* — это уже не что иное, как И.мн.

Примечание. О том, что между именем собирательным и косвенными падежами множественного числа может быть некоторое взаимодействие, говорит, например, такой недавний факт истории современного русского языка, как переход от ударения *дѣньгам*, *дѣньгами* к победившему ныне *деньгám*, *деньгáми*. Сам по себе этот переход был бы загадочен: никаких аналогов подобной смены ударения у *a-feminina* нет. Причина здесь явно лежит во влиянии собирательного *деньгá*.

Предположение о том, что форма *господá* могла играть определенную роль в возникновении новых форм И.мн. типа *лѣсá*, *снѣгá*, было выдвинуто в русистике уже давно (см. об этом ниже). Серьезным препятствием здесь было, однако, то, что эта форма единична, а другие, отчасти сходные примеры типа *бо́яра*, *крестья́на* имеют другое ударение и, кроме того, весь этот ряд относится к лицам, тогда как модель *лѣсá* охватывает, напротив, в основном неодушевленные предметы.

Формы *снегá*, *ветрá*, *лесá*, *кормá* и т. п. в говорах свидетельствуют о том, что база для формирования нового И.мн. типа *лѣсá*, *снѣгá* могла быть в действительности много шире, чем единичное *господá*, и много ближе по значению.

Выражение экспрессивности

В значительной части примеров, приведенных выше, значение интенсивности и/или собирательной множественности выступает в сочетании с признаком экспрессивности.

Но имеется и такая категория примеров, где флексия *-а* служит для выражения экспрессивности как таковой, без ограничения по признаку исчисляемости-неисчисляемости.

В современном русском языке действует следующее общее правило: имена общего рода имеют флексию *-а*, и это *-а* практически всегда функционирует как показатель отрицательной (насмешливой, пренебрежительной, уничижительной и т. п.) или по крайней мере фамильярной коннотации.

Сюда же примыкают слова на *-а* мужского рода, где род однозначно определяется основным значением слова, например, *расстрѣ́га*.

И в обратной перспективе: чтобы обозначить некоторое лицо неодобрительным, насмешливым, уничижительным или фамильярным способом, в русском языке хоть и не всегда, но всё же очень часто избирается (или даже строится) слово на *-а*. Например, для нейтральных *лесору́б*, *пешехо́д* и т. п. окончание *-а* было бы явно неуместно, тогда как для *пустомѣ́ля*, *непосѣ́да*, *обжѣ́ра* и т. п. оно вполне естественно.

Распределение слов общего рода между моделями с ударным и с безударным *-а* таково: при бессуффиксальной простой основе обычно *-á* (с небольшим числом отклонений), при суффиксальной или сложной основе — безударное *-а* (практически без отклонений).

Примеры с ударным *-á*

В литературном языке наиболее ярки *брюзга́, зуда́, нуда́, егоза́, гомоза́, шебарша́, моща́, карга́, яга́ (ба́ба-яга́), балда́, халда́, ханжа́* ‘лицемер’.

В говорах можно отметить еще, например: *вора́* ‘вор’ (*ах ты, вора́ не-сусветная*) Дон.; *мастера́* ‘ловкий мастер’ Перм.; *гнуса́* ‘гнусявый’ Влад. Урал.; *дребезга́* ‘болтун’ Деулино; *тормоза́* ‘болтун’, ‘егоза’ Деулино.

В сленге данная модель функционирует уже расширительно: она включает и неодушевленные объекты (соответственно, род здесь уже не общий, а женский). Примеры: *бица́* ‘бицепс’, *мышца́* ‘мышца’, *литра́* ‘литровая бутылка спиртного’, *джинса́* в знач. ‘джинсы’, *голда́* в знач. ‘вещь из золота’. Ср. *герла́* ‘девушка’ и т. п. из числа одушевленных.

Примеры с безударным *-а*

С основой, состоящей из приставки и корня или из двух корней: *раз-зѣва, вы́жига, недо́трога, недо́еда, приви́реда, непосе́да, неве́жа, подли́за, растрѣ́па, недо́тѣпа, растѣ́па, зади́ра, обжа́ра, проны́ра, пове́са, пусто-ме́ля* и т. п., ср. также *расстрѣ́га*. Очень много таких слов имеется на периферии словарного состава языка и в говорах. Так, в словаре Даля находим, например, *забро́да, зави́да, зае́да, заце́па, небо́га, прово́ра, про́жига, про́йда, про́льга, ужѣ́ма, пустовѣ́ра, пусто́грыза* ‘брюзга’, *пусто́жира* ‘дармояд’, *пустозѣ́ва, пусторе́ва, пустохла́ба* ‘водохлёб’ (и много других с *пусто-*), *голо́грыза* ‘нищий, голыш’, *кривонѣ́ра* ‘пролаз, пройдоха’, *руко-моя́* ‘белоручка’ и др.; в СРНГ — например, *заблѣ́да, задрѣ́па, задрѣ́га, замѣ́та* ‘смутьян’, *заплѣ́ва* ‘бесстыжий’, *обли́па* ‘навязчивый’, *насу́па, недога́да, ненае́да, ненажа́ра, непросѣ́па, несговора́, неустѣ́па, неулы́ба, колобо́рода* и т. п. Ср. также некоторые древнерусские примеры: *распо́па* (то же, что *распо́пъ* ‘расстриженный поп’), *недѣ́ма* ‘глупый’ (берестяная грамота № 46), *пажи́ра* ‘пожиратель, губитель’ (*вълче и хыщѣ́ниче, пажиро дѣ́шамъ* Усп. сб., 119в).

Исключение составляют только слова *воево́да* и *вельмо́жа* (очень древние), у которых такая же структура, но отрицательной коннотации нет. Повидимому, это реликты древнейшего состояния, когда описываемая зависимость между формой и смысловой коннотацией еще не сложилась.

Примеры сходного типа с простой основой редки: *ехи́да, со́ня, рѣ́ва*.

Чрезвычайно многочисленны суффиксальные производные с аффективными значениями различного рода (преимущественно отрицательными, но в части случаев и не отрицательными, а лишь фамильярными), например: *уби́йца, пропѣ́йца, пья́ница, ворю́га, мазѣ́ла, выпиво́ха, милáшка*.

В производных от имен родства и в именах собственных род уже не общий, а диктуемый значением слова: *деду́ся, мамáня, сыни́шка, сыну́ля, Бо́рька, Ве́рка, Мишѣ́ня, Тимóха* и т. п. Имеются также аналогичные бессуффиксальные: *па́па, де́да, Ва́ся, Серге́а*.

Вопрос об И.мн. несреднего рода на *-á*

Как известно, новые формы И.мн. мужского рода начинают отмечаться в памятниках с конца XV в. (*города* в летописи Авраамки), очень редки до середины XVII в.; их быстрый рост начинается в XVIII в. и интенсивно продолжается вплоть до настоящего момента. В говорах это явление захватывает также *i-feminina* (И.мн. *площадь, лошадь, матеря, кровь* и др.) и в небольшой степени даже *a-feminina* (В.мн. *в голова, под голова*, И.мн. *крутые гора* и др.).

Новые формы И.мн. на *-á* в нормальном случае образуются только от слов с начальным ударением в единственном числе; в литературном языке исключение составляют только слова на *-ор* группы *профессор, директор* и слово *учитель*.

Вопрос о происхождении форм И.мн. муж. и жен. на *-á* является предметом длительной научной дискуссии. Не пытаясь ее целиком обозреть, упомянем только некоторые узловые точки.

И. В. Ягич [1889: 114] считал источником форм И.мн. типа *лѣса, городá* влияние существительных среднего рода, где *-а* исконно.

Согласно А. И. Соболевскому [1907/2004: 221], формы И.мн. типа *лѣса, городá* развиваются в силу аналогического расширения ряда *бока, латина, господа, братья, камень*, т. е. признается несколько источников такого влияния: дуалисы типа *бока* (для которых А. И. Соболевский предполагает конечное ударение); собирательные как типа *господá* (с ударным *-á*), так и типа *латина* (с безударным *-а*); формы на *-ья* (с любым ударением).

А. А. Шахматов [1957: 330] исходит из того, что в подвижном акцентном типе И.дв. имел ударение на окончании: *городá, волосá, возá*, тогда как в сочетании с *два* ударение было изменено (*два гóрода* и т. д.). Источник форм типа И.мн. типа *лѣса, городá* А. А. Шахматов видит в том, что «слова мужеского рода с подвижным ударением древнюю форму двойственного числа обратили в форму множественного» [Там же: 331]. Версию о влиянии собирательных типа *латина* А. А. Шахматов считает возможной, но маловероятной [Там же: 335].

П. С. Кузнецов [1963: 198–199] тоже исходит из исконности конечного ударения в И.дв. *рога, глаза, берега* и т. п. и склоняется к версии о влиянии названий парных предметов на формирование И.мн. типа *лѣса, городá*.

В статье [Зализняк 1967/2002] было предложено иное объяснение для форм И.мн. типа *лѣса, городá*. Элемент *-а-* в формах множественного числа в современном русском склонении расценивается как морфологически делимый показатель множественного числа. Что касается возникновения новых форм И.мн. типа *года, паруса*, то «естественно предположить, что по крайней мере одна из причин этого явления состоит в стремлении распространить элемент *а*, выступающий в косвенных падежах и уже воспринимающийся как показатель мн. числа, на все словоформы мн. числа» [Там же: 547]. Процесс активен там, где элемент *-а-* в косвенных падежах

мн. числа несет ударение (поскольку в случае безударности показатель мн. числа [э] и без того уже предельно близок к [ы], выступающему в И.мн.).

В. М. Марков [1974: 121] прежде всего формулирует главное возражение против версии А. А. Шахматова: неверно, что ударение И.дв. *рогá*, *берегá* исконное. Он ссылается на Л. А. Булаховского, который уже ранее указывал, что, как следует из ударения слова *оба* и данных словенского языка, в подвижном акцентном типе древнее ударение формы И.дв. было не флексийным, а начальным. Соответственно, от версии происхождения И.мн. муж. на *-á* из И.дв. В. М. Марков считает необходимым отказаться. Независимо от работы [Зализняк 1967/2002] он приходит к выводу, что основным источником окончания *-á* в И.мн. несреднего рода было распространение того *-á*-, которое уже имелось в окончаниях косвенных падежей множественного числа, на всё множественное число. В. М. Марков подробно рассматривает связь этого процесса с процессом обобщения окончаний *-ám*, *-áми*, *-áх* во множественном числе у *о*-основ и *і*-основ. Понятно, что только после такого обобщения морфема *-á*- получает статус показателя множественного числа. Как особо существенный он выделяет тот факт, что новый И.мн. на *-á* отмечается в говорах также у *a-femini*na (где окончания *-ám*, *-áми*, *-áх* исконны), несмотря на совпадение с И.ед.: *в головá*, *под головá*, *крутые горá*, *деревнá*, *перерезало ему ногá*, *гривá*, *на грядá*, *судья*, *церквá*, *на три верстá* дальше, *в три шейá* (примеры из работ С. П. Обнорского); у Тредьяковского также *вспенились волнá*.

Г. А. Хабургаев [1990: 152 и след.] присоединяется к позиции В. М. Маркова и активно развивает трактовку *a* как единого показателя множественного числа.

С нашей точки зрения, основных факторов, которые привели к появлению нового И.мн. типа *лѣсá*, было два:

1) распространение единого показателя множественного числа *-á*- из косвенных падежей; см. об этом выше в изложении работ [Зализняк 1967/2002; Марков 1974; Хабургаев 1990];

2) развитие новых словоформ И. падежа на *-á* со значением собирательности или усиленной множественности и с синтаксической амбивалентностью, позволяющей им сочетаться с предикатами и определениями как единственного, так и множественного числа; см. об этом выше в разделе «Синтаксические особенности собирательных на *-á*».

О возможной роли формы двойственного числа см. отдельно ниже.

Дополнительный вопрос состоит в том, почему новый И.мн. на *-á* развился почти исключительно у слов с начальным ударением в единственном числе.

Ответ, очевидно, состоит в следующем.

После обобщения окончаний *-ám*, *-áми*, *-áх* в косвенных падежах множественного числа в акцентной парадигме *c* (подвижной) имеет акцентовку типа *гóроды*, *городáм*, *лúги*, *лугáм*, в а.п. *b* — типа *топоры́*, *топорáм*, *сто-*

лы́, столáм. Как показывают памятники, часть слов а.п. *с* со временем испытывает смену форм типа И.мн. *гóроды, лúги* на *городá, лугá*, между тем как в а.п. *б* все формы И.мн. (*топоры́, столы́* и т. д.) сохраняются без изменений.

Следует полагать, что это различие связано с тем, что главным стимулом к замене старой формы И.мн. на новую была тенденция к установлению единого ударения во всей субпарадигме мн. числа. Соответственно, новое окончание И.мн. *-á* появилось только в а.п. *с*, где единого ударения во мн. числе раньше не было, но не в а.п. *б*, где ударение уже было единым.

В единственном числе все слова а.п. *с* имели начальное ударение (*гóродъ, гóрода, лугъ, лúга*), все слова а.п. *б* — конечное (*топо́ръ, топо́ра, сто́ль, столá*). Это значит, что И.мн. на *-á* реально мог быть представлен только у слов с начальным ударением в единственном числе, и это соотношение получило статус синхронического правила.

В особом положении были слова а.п. *с* (исконные или перешедшие в эту а.п.) с односложной основой. Среди них имелась значительная группа слов, у которых в памятниках XVI—XVII вв. факультативно отмечается И.мн. с конечным ударением (например, *са́ды и сады́, до́лги и долги́*), а в дальнейшем полностью побеждает И.мн. на *-ы́*. Сюда относятся прежде всего почти все слова прежнего *и*-склонения (*садъ, медъ, рядъ, низъ, полъ, чинъ, сынъ, даръ, жиръ, миръ, пиръ, боръ, верхъ*) и значительная часть слов *о*-склонения, для которых реконструируется праславянская а.п. *d* (*бои, рои, гробъ, долгъ, кругъ, стругъ, задъ, бродъ, усъ, потъ, цвѣтъ* и др., вероятно, сюда же *шагъ*)⁵.

Акцентуация этих слов стала притягательной моделью для значительного числа других односложных слов с начальным ударением в единственном числе. Тем самым для таких слов тенденция к единому флексийному ударению во всей субпарадигме мн. числа могла реализоваться в двух вариантах — с И.мн. на *-á* (например, *воз — возá*) и с И.мн. на *-ы́* (например, *воз — возы́*).

В современном языке у односложных слов с подвижным ударением древняя модель *зубъ, зúба — зúбы, зубóвъ* сохранилась лишь у совсем небольшой группы слов (*зуб, бог, чѣрт, зверь, гость* и др.), причем эта группа продолжает размываться — у большинства входящих в нее слов (например, *год, ход, гром, вор*) уже имеются просторечные или профессиональные варианты с И.мн. на *-á* или на *-ы́*. Подавляющее большинство односложных слов с подвижным ударением ныне распределено между двумя

⁵ Окончание *-ы́* в этих двух группах, вероятно, представляет собой непосредственный след древнейшей акцентовки; но в настоящей работе подробнее разбирать этот вопрос нет необходимости.

инновационными моделями: *лес* — *лесá* и *сад* — *сады́*⁶. В литературном языке имеются также случаи вторичной дифференциации: *верхи́* и *верхá*, *цѣтъи́* и *цѣтъá*, *мехи́* и *мехá*, а в просторечии и в говорах многочисленны также случаи прямого варьирования (*возы́* и *возá*, *торты́* и *тортá* и т. п.).

Что касается слов а.п. *а*, то они могли включиться в изучаемый нами процесс, только если уже изменили акцентовку. Такое изменение не было произвольным — слово могло лишь уподобиться одной из двух других а.п. При неодносложной основе уподобиться а.п. *с* могли только слова с начальным ударением в ед. числе (например, *на́русь*, *на́руса*) — в соответствии с господствующей акцентной моделью в исконной а.п. *с*.

Вначале акцентная эволюция таких слов а.п. *а* была двухэтапной. Например, для слова *на́русь*: 1) *на́русы*, *на́русам* менялось на *на́русы*, *парусáм* (по модели *во́лосы*, *волосáм*); 2) *на́русы*, *парусáм* менялось на *парусá*, *парусáм* (как *городá*, *городáм*).

Позднее, в эпоху активной экспансии модели И.мн. на *-á* эта эволюция упростилась; скажем, *бу́феры*, *бу́ферам* могло уже непосредственно заменяться на *буферá*, *буферáм*. Далее на базе таких слов сформировалась четкая акцентная модель с именно таким ударением для двусложных слов на безударные *-ор*, *-ер*, *-ель* (например, *тра́ктор*, *ску́тер*, *шitéмпель*). И совсем поздно эта модель захватила уже и некоторые слова со срединным ударением, а именно из числа тех, у которых последние два слога основы удовлетворяли тому же условию (например, *профе́ссор*, *дирéктор*, *учи́тель*).

Сказанное относится к положению в литературном языке; в части говоров процесс распространения форм И.мн. на *-á* зашел намного дальше, охватив также некоторые существительные других морфологических категорий и других типов акцентовки.

Роль формы И.дв. на *-а*

Отдельного рассмотрения требует вопрос о роли формы И.дв. в возникновении и развитии нового И.мн. несреднего рода на *-á*.

Ныне данные исторической акцентологии позволяют решительно поддерживать тезис Л. А. Булаховского о первичности начального ударения в И.дв. *рога*, *берега*, *мужа*, *города* и т. д.

Действительно, в словенском языке, где двойственное число сохранилось, эта форма у слов подвижной акцентной парадигмы имеет рефлекс

⁶ В. М. Марков [1974: 134] обнаружил тот интересный факт, что одним из факторов, влиявших на это распределение, был фонетический состав корня, а именно, односложные слова с корневым *а*, как правило, не принимали окончания *-á* (своего рода «диссимиляция»): ср. *басы́*, *балы́*, *валы́*, *дары́*, *зады́*, *лады́*, *пазы́*, *пары́*, *ряды́*, *сады́*, *тазы́*, *часы́*, *шагы́*, *шары́*. Отклоняются только *края́* и *глаза́*.

праславянского циркумфлекса, например, И.дв. *тоѡа* 'два мужа' (из *тоѡа*, с закономерной словенской перетяжкой циркумфлекса на следующий слог); заметим, что эта форма совпадает с Р.ед.

В древнерусском языке важнейшими свидетельствами начального ударения (точнее, энклиноменного статуса) формы И.дв. в подвижной акцентной парадигме являются словоформа *оба* и сочетания словоформ *дѡва*, *оба* с проклитиками и энклитиками. Все они ведут себя в соответствии с акцентными правилами для энклиноменов. Так, в Чудовском Новом Завете XIV в. имеется словоформа *оба* и с энклитикой *не оба ли*, *не два ли*; в памятниках XV–XVII вв. — *оба*, *на оба*, *и по два*, *по два*, *на два*, *за два* и др.

Рассмотрим со всей доступной ныне полнотой материал акцентуированных памятников, относящийся к вопросу о форме И.В.дв. муж. в подвижной акцентной парадигме:

	Начальное ударение	Конечное ударение
	В свободном употреблении	
XIV в.	<i>прише^оша же к немѡ моужа рѣста</i> Чуд. 30б, <i>слоуха</i> Чуд. 20б	<i>имаше рогѡ подобна агньцѡ</i> Чуд. 154в, <i>нагѡ еста</i> Чуд. 81г
XVI в.	<i>томѡ же двѡ рѡга, рѡга же высѡка</i> Остр. (Даниил 8.3), <i>рѡга желѣзна</i> Остр. (3 Царств 22.11, 2 Паралип. 18.10), <i>слѣха</i> Поуч. 35; <i>сама себѣ</i> Жит. 287 bis, <i>сама в себѣ</i> Жит. 286, 287	<i>рогѡ</i> Ион. 102, Биб. 215б, Остр. (Даниил 8.6), <i>глазѡ</i> Косм. 2б, <i>в моѡ слѣхѡ</i> Чет. 72
XVII в.	<i>слѣха</i> Печ. 447б, Хлын. 102б, Изм. 214, <i>слѣха моѡ</i> Костр. 105, Пер. 123, <i>в слѣха гѣна</i> Ряз. 8б, <i>сходѡ в бока зем-</i> <i>ли</i> Печ. 108б	<i>рогѡ</i> Трав. 19б, Сух. 41б, Алф. 128б, Хрнг. 114б, <i>за рогѡ</i> Хрнг. 29, <i>глазѡ</i> Епиф. 181б, <i>в глазѡ</i> Авв. 25б, <i>на гла-</i> <i>зѡ</i> Авв. 51, <i>своѡ бока</i> Прл. 335б, <i>под</i> <i>бока</i> Авв. 25б
	Перед числительным	
XIV в.	<i>моужа двѡ</i> Чуд. 32а, <i>моужа два</i> Чуд. 59а	
XVI в.	<i>мѣжа двѡ</i> Фер. 981б, <i>имаше рѡга</i> <i>двѡ</i> Остр. (Апокал. 13.11)	
XVII в.	<i>моужа двѡ</i> Ев. 1649 (Лука 9.30), <i>зѡкрома два</i> Ист. 55б	
	После числительного	
XVI в.	<i>двѡ рѡга</i> Лет. 337б, <i>два рѡга</i> Библ. 904б, <i>оба рѡга его</i> Остр. (Даниил 8.7), <i>двѡ мѣжа</i> Ион. 470б, <i>двѡ чѣна</i> Увар. 80б	
XVII в.	<i>двѡ сѣна</i> (= <i>сына</i> или <i>сына</i>) Каз. 98б; Ратн.: <i>два шаха</i> [6×], <i>два ряда</i> саере, <i>три ряда</i> [3×]	<i>оба рогѡ егѡ</i> Хрнг. 114, <i>ѡва городѡ</i> Нв. 453; Ратн.: <i>два шахѡ</i> [3×], <i>два рядѡ</i> саере, <i>три рядѡ</i> [5×], <i>оба рядѡ</i> 172б

Как можно видеть, в свободном употреблении имеется примерно одинаковое количество примеров с начальным и с конечным ударением, тогда как перед и после числительного нормой является начальное ударение.

Поскольку нет никаких оснований возводить различие ударений в *ро́га* — *рога́* и т. п. к праславянскому, ясно, что либо одно, либо другое является инновацией.

Из приведенного материала видно, что ни в том, ни в другом случае инновация не охватила всю соответствующую группу словоформ целиком. Тем самым последовательное фонетическое изменение исключается: перед нами либо морфологическая инновация, либо факультативное фонетическое изменение.

А. А. Шахматов [1957: 330] в соответствии со своей версией исконности ударения *рога́* объяснял иное ударение в *два ро́га* тем, что здесь «формы двойственного числа приняли облик родительного падежа». К сожалению, из этой формулировки непонятно, какой тип изменения тут предполагается (равно как ничего не говорится о том, какого рода стимулы могли привести к такому «принятию облика»). Но как при версии о фонетическом изменении *рога́* > *ро́га*, так и при версии о морфологическом уподоблении форме Р.ед. остаются без объяснения ударения И.дв. *му́жа*, *слу́ха*, *бо́ка*, *ро́га* в свободном употреблении и *оба*, *на́ оба*, *на́ два*, *за́ два*, *по́ два*, не говоря уже о показаниях словенского языка. И важно то, что в истории русского языка замена конечноударной словоформы на энклиномен вообще почти неизвестна, если не считать нескольких уникальных казусов.

Напротив, факультативная замена энклиномена на конечноударную словоформу представляет собой вполне распространенное явление, см. [Зализняк 2014]. Уже в XIV в. она довольно широко представлена в 1 ед. презенса (например, *створю́* вместо *ствóрю*), а впоследствии побеждает в этой форме стопроцентно. То же в деепричастии презенса (например, *творя́* вместо *твóря*), в дальнейшем здесь победа почти столь же полная — сохраняются только *сто́я*, *си́дя*, *ле́жа*, *мо́лча*, *не́хотя* в наречном употреблении. То же в перфекте: *положи́ль*, *собра́ль*, *продáль* и т. п. вместо *пóложилъ*, *сóбралъ*, *прóдалъ* — с полной победой нового ударения в современном языке в одних морфологических типах и частичной в других.

Сверх этого, в рукописях имеется заметное число различных окказиональных замен такого же типа. В частности, уже в Чудовском Новом Завете находим: *колѡ ржѣтва* 82а (вм. *кѡло*), *ѡбщѣнье дѣхъ* 128б (вм. *дѣха*), *ѡко нѣ на^м | брани* (вм. *брани*) 127б, *прѡзрѣста ею очі* (вм. *ѡчи*) 11в, *ли странна́* В.ед. 14б (вм. *странна*), *нага́* В.ед. 14б (вм. *нага*), *не оста́влю ва^с | сирѣ* 49б (вм. *сирѣ*), *моужа сегѡ катá* (вм. *ката*) ѿ | *шюдѣи* 76а, *какѡ може^м* 90б (вм. *како*), *не водою | токмѡ* 90в, *то|кмѡ да не...* 124б (вм. *то́кмо*). Таков же и пример *нага́ еста́* в Чуд., приведенный выше.

Позицию, заметно способствующую такой смене ударения, составляет положение перед местоимением с ослабленным ударением (*его*, *ему*, *ихъ*

и т. п.); например, в том же памятнике: *ѿ пота ѹго* 72б (вм. *ѿ' пота*), *кромѣ раздѣла его* 54б, *и воню разоумѣ* | *ѹго* 117а (вм. *разоума*), *и ногѣ ихъ затвердѣ в дрѣвѣ* 70а (вм. *и ногѣ*), *ѿ плотѣ их* 157в (вм. *ѿ' плоти*), *горѣ ва*¹¹ 13а bis (вм. *горѣ*), *да не ко² да прѣткне¹² о кáме¹³ ногѣ твою* 28а (вм. *ногѣ*). Именно этим эффектом объясняется пример *оба рогѣ егѡ* в Хрнг., приведенный выше.

Этот же механизм дал сдвиг ударения в *оба, обѣ* в нескольких сочетаниях, где второй член — это тоже энклитом: *обѣ тѣ* Лет. 112б, *обѣполѣ* Ник. 338б, *обѣрѣчь* Прл. 148, в современных говорах *обѣпол*, *обѣдва*, *обѣдве*, *обѣручь*.

Имеется и вторая возможная причина появления форм с конечным ударением вместо начального. В акцентную парадигму *с* (подвижную) в свое время включилось также большинство слов потерявшей самостоятельность акцентной парадигмы *д* [Дыбо и др. 1990: 129], в которой большинство форм характеризовалось флексийным ударением. В памятниках у слов бывшей а.п. *д* в отдельных формах наряду с правильным ударением нередко отмечаются случаи реликтового флексийного ударения, неправильного с точки зрения а.п. *с*, например: *у гробѣ, въ гробѣ, берегѡмѣ* Т.ед. (наречн.), *збѡмѣ* Т.ед., *збѡѣ, лугѣ, кругѡмѣ* Т.ед. (наречн.), *бѣгѡмѣ* Т.ед. (наречн.), *бродѣ, власѣ, власѣ, волосы, без потѣ, потѣ, цвѣтѣ, смѣхѣ* Р.ед.

Это обстоятельство имеет прямое отношение к нашей проблеме, поскольку в число слов бывшей а.п. *д* входят слова *рогѣ, бокѣ, рядѣ, городѣ* (и *градѣ*), *слѣдѣ*; в памятниках отмечены, в частности, примеры *с радѡмѣ, рлѣдѣ, градѣ* Р.ед., *градѣ, градѣ, слѣдѣ* Р.ед. (ср. также современное *без следѣ, ни следѣ, не осталось и следѣ*). Почти наверное принадлежало к бывшей а.п. *д* также слово *шагѣ* (*шахѣ*): ср. *шахѣ* (наряду с *шахи*) в Ратн., *шагѣ* Р.ед. у авторов XVIII в., *шагѡмѣ* Т.ед. (наречн.) у Майкова [Еськова 2008: 109]. Для слова *глазѣ* надежных данных о его акцентной предыстории нет.

В этой ситуации естественно поставить ударения И.дв. *рогѣ, бокѣ*, а также *два шагѣ, два рядѣ* (и современное *два следѣ*) в тот же общий ряд спорадических реликтов а.п. *д*, который описан выше.

Что касается современных аномальных счетных форм *два рядѣ, два шагѣ, два следѣ, два часѣ, два шарѣ*, то первые три почти наверное представляют собой именно реликты а.п. *д*. В сочетании *два часѣ* ударение просто исконное, поскольку слово *часѣ* относилось к а.п. *б*; это сочетание оказалось членом данного ряда лишь потому, что ед. число слова *часѣ* в ходе эволюции получило новое ударение (наосновное). Слово *шарѣ* (геометрич.) не имеет надежной этимологии и не отмечено в старых памятниках в косвенных формах; но имеется пример *Шарѡвѣ* (фамилия) Ист. 313б и в XVIII—XIX вв. засвидетельствовано ударение *шарѣ, шарѡм* [Еськова 2008: 109]; ср. также современное *хоть шарѡм покати*. Это значит, что его акцентная история почти наверное такая же, как у слова *часѣ*.

Итак, для форм И.дв. *ро́га*, *бо́ка* целых два фактора могли одновременно создавать вектор смены ударения в сторону *рога́*, *бока́*: возможность окказиональной конечноударности энклينوмена и возможность сохранения реликта а.п. *d*. Тем самым наличие в Чудовском Новом Завете примера *рога́*, который во многих работах приводится в качестве решающего аргумента в данной дискуссии, никоим образом не может перевесить совокупность свидетельств в пользу исконного энклिनотенного характера формы И.дв. мужского рода в подвижной акцентной парадигме.

Было бы поспешно, однако, утверждать, что собственно фонетические истоки форм *рога́*, *глаза́*, *бока́* исчерпывают проблему и снимают вопрос о других факторах, которые могли способствовать появлению и закреплению такого ударения.

Дело прежде всего в том, что оба фонетических фактора носили необязательный характер: они создавали возможность ударений *рога́*, *бока́* лишь в качестве спорадических отклонений от требуемых системой *ро́га*, *бо́ка*. Так, они легко могли привести к появлению единичного примера *рога́* в Чудовском Новом Завете, но они еще не объясняют устойчивости форм *рога́*, *бока́*, *глаза́*, объединенных значением парного предмета, в более поздней истории русского языка. Эта устойчивость заставляет предполагать, что здесь имеется и некоторая нефонетическая составляющая.

С нашей точки зрения, такой составляющей были те же самые факторы, которые привели к появлению И.мн. типа *лѣса́* (см. выше), а именно:

- 1) распространение единого показателя множественного числа *-а́* из косвенных падежей;
- 2) развитие новых словоформ И. падежа на *-а́* со значением собирательности или усиленной множественности и с синтаксической амбивалентностью.

Как справедливо указывает В. М. Марков, показателен тот факт, что в памятниках и в говорах наряду с формами *рога*, *бока* постоянно употребляются в том же значении, т. е. для обозначения двух, а не многих объектов, формы *роги*, *боки* (а для слова *бѣрег* ранее XVIII в. вообще встретилось только *береги*). Иначе говоря, формы *рога*, *бока*, *глаза* и т. п., которые к XV в. уже утратили прежнюю связь со значением двойственности и превратились просто в формы множественного числа, оказались втянутыми в общую эволюцию множественного числа, где начали развиваться новые формы И.мн. на *-а́*. И следует согласиться с В. М. Марковым [1974: 122], что «оказывается возможным вопрос не о том, каким образом немногие формы [И.дв.] на *-а* повлияли на другие образования, а о том, что могло поддержать эти формы, закрепив в них ранее им не свойственное окончательное ударение»; и далее: «от признания решающей роли образований типа *бѣрега*, *бо́ка* по необходимости приходится отказаться».

Существенно то, что динамика конкуренции форм типа *рогá* и типа *ро́ги* оказывается весьма похожей на историю форм типа *лѣсá* и типа *лѣ́сы*.

Первые, зачаточные проявления важных для рассматриваемой проблемы процессов относятся к эпохе ранее конца XV в. Так, с XIII в. отмечаются элементы формирования единого ряда окончаний *-амъ*, *-ами*, *-ахъ* вначале в среднем, а затем в мужском роде, т. е. создается движущая сила для появления нового окончания *-а* в И.мн. мужского рода. И в конце XV в. мы уже видим его первую письменную фиксацию (в И.мн. *города* в летописи Авраамки); понятно, что само явление должно было возникнуть раньше.

С другой стороны, весьма рано появляются также примеры употребления множественного числа при обозначении парных предметов, т. е. вместо двойственного. Например, в «Александрии», в списке XV в. с оригинала XII в., пять раз использована форма *рогы* в значении одной пары рогов (*видѣхъ ... бѣга ... рогы овна имуща* и т. п.); в известной приписке писца в паремейнике 1313 г. (РГАДА, ф. 381, № 61, л. 99 об.) уже *глази спа^т хотать* мы видим форму *глази*. То есть создается ситуация сосуществования в одном и том же значении форм *роги* и *рога*, *глазы* и *глаза*. При этом формы И.дв. *рога*, *глаза* в обычном случае имеют ударение *ро́га*, *гла́за*, но, как показывает единичный пример XIV в. *рогá* в Чуд., иногда могут получать и конечное ударение.

Далее примерно до середины XVII в. формы типа *лѣсá*, *лугá* представляют собой редкие варианты при господствующих *лѣсы*, *лѹги*. Для *рогъ*, *бокъ* и т. п. сосуществуют варианты *ро́ги*, *бо́ки*, *ро́га*, *бо́ка* и *рогá*, *бокá* (оценить их количественные соотношения из-за бедности материала затруднительно). А со второй половины XVII в. начинается бурный процесс экспансии форм на *-á* — практически одинаковый для форм типа *лѣсá*, *лугá* и типа *рогá*, *бокá*. Формы *лѣсы* и *ро́ги* выходят из употребления одновременно.

Заключение

Итак, в современном русском языке флексия И. падежа *-а*, помимо словоизменительных, обладает еще несколькими словообразовательными функциями: показатель женского пола, показатель неисчисляемости, показатель различных форм усиления — собирательной множественности, интенсивности, экспрессивности.

Из этого числа функции показателя женского пола и собирательной множественности представляют собой прямое наследие функций праиндоевропейского **-ā*.

Значение неисчисляемости, по-видимому, вырастает из тех реализаций собирательности, которые создают образ нерасчлененной массы, следова-

тельно, чего-то неисчислимого. Этот вид семантического развития в некоторой степени присутствует уже в праиндоевропейском: он дает абстрактное значение имен качества в суффиксах **-i-ā*, **-ot-ā*, **-īn-ā*.

Значение интенсивности развивается из значения множественности в применении к природным явлениям и действиям.

Значение экспрессивности, очевидно, представляет собой специализированную ветвь значения интенсивности.

Источники

Авв. — Житие Аввакума // Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.

Алф. — Алфавит духовный, 2-я четв. — сер. XVII в. РГБ, ф. 218, № 714.

Биб. — 1-й почерк рукописи: Библия, XVI в. ГИМ, Синод. 30.

Библ. — 2-й почерк рукописи: Библия, XVI в. ГИМ, Синод. 30.

Ев. 1649 — Толкование Феофилакта болгарского на евангелия. М., 1649.

Епиф. — Житие Епифания // Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.

Жит. — почерк 267–310б в рукописи: Сборник житий, 2-я четв. XVI в. РГБ, ф. 173, № 57.

Изм. — Измарагд, до 1641 г. РГБ, ф. 304.I, № 202.

Ион. — Маргарит Иоанна Златоуста, 1530 г. РГБ, ф. 256, № 195.

Ист. — Исторический сборник, 1692 г. РГБ, ф. 228, № 184.

Каз. — История о Казанском царстве, XVII в., вероятно, 1-я пол. РГБ, ф. 173.I, № 98.

Косм. — Космография Мартина Бельского, посл. четв. XVI в. РГБ, ф. 152, № 2.

Костр. — Слова Аввы Дорофея. Кострома, 1628 г.; в рукописи РГБ, ф. 138, № 25.

Лет. — Троицкий летописец, сер. XVI в. ГИМ, Синод. 645.

Нв. — Новгородская летопись, 1-я четв. XVII в. БАН, 34.4.32.

Ник. — Никоновская летопись, список Оболенского. 1526–1530 гг. РГАДА, ф. 201.1, № 163.

Остр. (Острожская библия) — Библия, сирѣчь книги Ветхаго и Новаго Завѣта по языкѣ словенскѣ. Острог, 1581. Фототипическое переиздание: М.; Л., 1988.

Пер. — Слова Аввы Дорофея, 1633 г. РГБ, ф. 310, № 194.

Печ. — Миней четвѣ на сентябрь и октябрь. Печенга, 1605 г. РГБ, ф. 138, № 17.

Поч. — Сборник, вероятно, конца XVI в. РГБ, ф. 304.I, № 784.

Прл. — Пролог. М., 1643 г.

Ратн. — Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей. М., 1647. По кн.: Chr. Stang. La langue du livre «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей». Oslo, 1952.

Ряз. — Лествица. Солотча, 1611 г. ГИМ, Барсов 246.

Сух. — Сухановский хронограф. РНБ, F.XVII.17 (из собр. Ф. Толстого, I, № 198).

Трав. — Травник и лечебник, XVI–XVII вв. РГБ, ф. 37, № 431.

Увар. — Кормчая, сер. XVI в. ГИМ, Увар. 296.

Улож. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича. М., 1649.

- Усп. сб. — Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.
 Фер. — Кормчая, сер. XVI в. РГБ, ф. 98, № 248.
 Хлын. — Златоуст, 2-я четв. XVII в. РГБ, ф. 310, № 539.
 Хрнг. — Хронограф русский II-й редакции, сер. XVII в. РГБ, ф. 173.III, № 75.
 Чет. — Миняя четья за апрель. ГИМ, Синод., 91, л. 1–146б.
 Чуд. — Чудовский Новый Завет, XIV в. По изд.: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси. (Фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского.) М., 1892.

Л и т е р а т у р а

- Деул. — Словарь современного русского говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
 Дыбо и др. 1990 — В. А. Дыбо, Г. И. Замятина, С. Л. Николаев. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
 Елистратов 2007 — В. С. Елистратов. Толковый словарь русского сленга. М., 2007.
 Еськова 2008 — Н. А. Еськова. Нормы русского литературного языка XVIII—XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М., 2008.
 Еськова 2014 — Орфоэпический словарь русского языка / Под ред. Н. А. Есковой. М., 2014.
 Зализняк 1967/2002 — А. А. Зализняк. О показателях множественного числа в русском склонении // «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М., 2002. С. 545–549.
 Зализняк 2014 — А. А. Зализняк. К вопросу об акцентной эволюции энклиноменов в русском языке // Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Под. ред. М. А. Даниэля, Е. А. Лютиковой, В. А. Плунгяна (гл. ред.), С. Г. Татевосова, О. В. Федоровой. СПб., 2014. С. 260–276.
 Кузнецов 1963 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
 Марков 1974 — В. М. Марков. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974.
 СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 1–. М., 1988–.
 Слов. XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
 Соболевский 1907/2004 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 1. М., 2004.
 СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–. М.; Л., 1965–.
 Хабургаев 1990 — Г. А. Хабургаев. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
 Шахматов 1957 — А. А. Шахматов. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
 Ягич 1889 — И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889.

Резюме

В статье рассматриваются функции флексии *-а* в русском языке. За рамками чистого словоизменения выделяются функции: 1) словообразовательный показатель женского пола; 2) показатель принадлежности к категории неисчисляемых; 3) словообразовательный показатель комплекса значений, объединяемых общим признаком усиления: собирательной множественности, интенсивности и экспрессивности.

Анализ этих функций позволил провести критический разбор взглядов на возникновение форм И.мн. несреднего рода на *-á*. Распространенная точка зрения о решающей роли формы И.дв. в этом процессе отвергается. Предлагается объяснение, состоящее в том, что к появлению нового И.мн. на *-á* привели два фактора: 1) распространение единого показателя множественного числа *-á* из косвенных падежей; 2) развитие новых словоформ И. падежа на *-á* со значением собирательности или усиленной множественности и с синтаксической амбивалентностью, позволяющей им сочетаться с предикатами и определениями как единственного, так и множественного числа.

Ключевые слова: русский язык, историческая морфология, двойственное число, флексия *-а*, неисчисляемые, собирательность, интенсивность, экспрессивность.

Получено 28.10.2017

ANDREY A. ZALIZNYAK

FUNCTIONS OF THE NOMINATIVE FLEXION *-A* IN RUSSIAN

The paper analyzes the functions of the nominative flexion *-a* in Russian: 1) derivational marker of feminine gender; 2) marker of uncountability; 3) marker of collective plural, intensivity and expressivity.

Examination of these functions makes it possible to undertake a critical survey of hypotheses concerning the origin of the masculine plural ending in *-á*. The widespread hypothesis that the nominative dual was the leading factor in this process is rejected. An explanation of the process is proposed according to which the appearance of the new nominative plural in *-á* was triggered by two factors: 1) expansion of *-á* from the oblique cases to become a general marker of plural; 2) development of new nominatives ending in *-á* with the meaning of collective or emphasized plurality and syntactic ambivalence, which made it possible for them to be combined with either singular or plural predicates and attributes.

Keywords: Russian, historical morphology, dual, flexion *-a*, uncountable, collective plural, intensivity, expressivity.

Received on 28.10.2017